

Правда

Православіа.

Второй годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Журналъ «Правда Православія» идетъ на встрѣчу этой потребности. Въ своихъ приложеніяхъ, изъ коихъ къ концу года составитъ второй выпускъ, **будетъ печатать въ 1908 году русскій и славянскій тексты воскресныхъ Каноновъ, Антифоновъ и Евангельскихъ стихиръ на утрени и Блаженнъ на литурги.**

СОДЕРЖАНІЕ.

«Въ защиту Единовѣрія». Мисс. Свящ. Іоаннъ Рябухинъ.—Размышленія увѣровавшаго врача. (Продолженіе). Врачъ С. Апраксинъ.—Изъ дневника единовѣрческаго священника. (Продолженіе). Іерофеевъ.—Извѣстія и замѣтки.—† О. Протоіерей Н. А. Касторскій.

Праздникъ Рождества Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа. Канонъ на этотъ день. (Окончаніе) Святое Богоявленіе Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа. Канонъ на этотъ день.

„Въ защиту Единовѣрія“.

На страницахъ періодической духовной печати еще и по нынѣ попадаются печальные «выпады» неугомонныхъ борзописцевъ, мнимыхъ ревнителей Православія, на Единовѣріе и единовѣрческое богослуженіе.

Въ одномъ изъ номеровъ «Епарх. Вѣдомост.» недавно была помѣщена статья одного изъ такихъ «ревнителей», въ которой авторъ статьи-выпада разразился на единовѣрческое богослуженіе и «единовѣрческіе порядки», называя ихъ «допотопными, гнилыми пережитками», а единовѣрческое пѣніе сравнивая съ «гнушавымъ, бездушнымъ козлогласованіемъ». Попутно авторъ не оставляетъ безъ внима-

Годовая цѣна **ПЯТЬ** руб., на полгода **ТРИ** руб., на 2 мѣсяца **1** руб. Приплачивая къ годовой платѣ одинъ рубль, подписчикъ получаетъ «Правду Православія» вмѣсто одного экземпляра въ трехъ; приплачивая еще рубль, получаетъ «Правду Православія» въ пяти экземплярахъ.

Въ журналѣ добрая часть мѣста будетъ отводиться объясненію старобрядческаго Богослуженія, обрядовъ, обычаевъ Церкви. Въ предсоборномъ присутствіи (въ 6-й комиссіи) разсматривался вопросъ о томъ, какъ сдѣлать наше славянское Богослуженіе понятнымъ для богомольцевъ. Вырѣшили его въ томъ смыслѣ, чтобы снабжать прихожанъ руководствами, по коимъ они приготовлялись бы хотя наканунѣ къ слушанію церковной службы.

нія и обнаруживающагося въ наше время среди единовѣрцевъ теченія въ пользу единовѣрческаго епископа, усматривая въ немъ чуть ли не бунтарскій духъ «раскольническаго своеволія».

Грустно и больно звучитъ этотъ неправославный выпадъ въ устахъ православнаго челоуѣка (едва ли не пастыря), задумавшаго сводить «старые счеты» (ни къ чему, впрочемъ, не ведущіе) съ несуществующимъ врагомъ. Конечно, такіе «выпады» не плодъ только обостренныхъ отношеній «неужившихся сосѣдей», а болѣе или менѣе яркій показатель еще недавно господствовавшаго среди православнаго духовенства и части православныхъ публицистовъ, взгляда на единовѣріе, какъ на печальное и едва лишь терпимое явленіе въ господствующей Церкви. Единовѣріе, якобы, нарушаетъ гармонію единства вѣры и двоитъ Церковь, служа источникомъ справедливыхъ нареканій старообрядцевъ и сектантовъ.

Взглядъ этотъ держался довольно долго (а кое-гдѣ и теперь держится еще) и мѣшалъ дѣйствительному, а не условному лишь, единенію вѣры и братолюбію. И двѣ отрасли одного и того же Православія, благодаря ему, были искусственно разрознены, удалены другъ отъ друга. Имъ только и можно объяснить странную «неприспособленность» православныхъ пастырей въ единовѣрческихъ приходахъ и отчужденность единовѣрцевъ отъ всего православнаго.

Стоитъ ли говорить, что весь тутъ центръ тяжести въ предубѣжденіи, въ нежеланьи одной стороны взглянуть глубже въ сущность и признать «права» другой.

Въ чемъ же сущность и права?

Единовѣріе, въ силу особыхъ цѣлей его учрежденія и по причинѣ своего появленія на пепелищѣ старообрядческихъ общинъ, или среди этихъ общинъ,—получило нѣкоторыя льготы и привилегіи въ своемъ церковномъ строѣ, какъ: выборное начало клира, освобожденіе отъ нѣкоторыхъ денежныхъ повинностей, денежные пособія причтамъ отъ казны и т. п. Эти-то льготы и «права» давали пищу недоброжелательству и навѣтамъ православныхъ сосѣдей, имѣвшихъ, какъ имъ думалось, всѣ оффиціальныя права и преимущества на еще большія льготы.

Ясно, что корень недоброжелательствъ (и какъ слѣдствія послѣднихъ—отчужденности православныхъ пастырей)—въ недостаточномъ пониманіи сущности и истинныхъ задачъ Единовѣрія. Попытаемся сказать нѣсколько словъ объ этихъ задачахъ и сущности.

Главная цѣль учрежденія Единовѣрія, по мнѣнію большинства православнаго духовенства, была въ стремленіи облегчить переходъ старообрядцамъ-фанатикамъ въ Православіе, и, слѣдовательно, оно (Единовѣріе), по идеѣ учредителей, имѣло лишь временный, случайный характеръ. Но такъ какъ оно не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались, то, значитъ, миссія его закончена, и

его можно упразднить совершенно, или, по крайней мѣрѣ, ограничить до минимума, а не содѣйствовать распространенію. Такъ думаетъ о Единовѣрїи большинство православнаго рядоваго духовенства.

Но всякій, знакомый съ истиннымъ духомъ Православія и съ истинной сущностью Единовѣрїя,—найдетъ такіе взгляды на Единовѣрїе крайне односторонними и, во всякомъ случаѣ, далеко не православными.

Попытаемся объяснить.

Появленіе Единовѣрїя въ нѣдрахъ господствующей православной Церкви, по нашему разумѣнію, есть актъ великой мудрости и самое яркое доказательство терпимости православной русской Церкви.

Православная Церковь не въ обрядахъ видитъ спасеніе своихъ членовъ, а въ существѣ вѣры христіанской: догматахъ, Богоустановленной іерархіи и Таинствахъ вѣры; хотя и обрядовой сторонѣ придаетъ не малое значеніе, имѣя въ виду ихъ воспитывающее значеніе—въ духѣ истинной вѣры и церковнаго благочестія. Но какъ въ любомъ обществѣ, учрежденіи, государствѣ—существуютъ основные законы, положенія, обязательные для всѣхъ членовъ; и различныя установленія, правила благонравія, имѣющія цѣлью воспитать въ членахъ даннаго общества чувство законности, дисциплинировать ихъ волю и охранить самый законъ: такъ и въ Церкви есть основные законы вѣры—догматы и средства дисциплины—обряды и церковные обычаи. Но въ государствахъ основные законы по существу неизмѣнны, а различныя государственныя установленія, правила и уставы—часто измѣняются, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ временныхъ нуждъ, условій жизни; такъ и въ Церкви Христовой остаются неизмѣнны истины вѣры, а вспомогательныя установленія—обряды и обычаи—мѣняются, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ нуждъ Церкви и условій жизни. Смѣшивать ихъ во едино нельзя.

Но государство, безъ особой нужды, не мѣняетъ установленій, не отмѣняетъ полезныхъ законовъ и обычаевъ. Такъ и Церковь всѣми средствами охраняетъ свои историческіе образцы вѣры и нравственности, созданные, въ большинствѣ, великими и богомудрыми учителями вѣры и нравственности. И лишь подъ вліяніемъ крайней необходимости, во избѣжаніе искаженія самой сути вѣры, и появленія раздорныхъ ученій и обществъ,—мѣняетъ свои вспомогательныя установленія—обряды церковные и обычаи.

Имѣя въ виду спасеніе заблудшихъ, или стоящихъ на пути къ заблужденію,—членовъ своихъ, и наша православная Церковь допустила при единствѣ вѣры—разные обряды, какъ вспомогательныя средства на пути къ спасенію. Она поступила съ единствомъ дисциплины, столь нужной въ каждомъ учрежденіи, обществѣ, союзѣ,—во имя великой цѣли жизни всякаго христіанина: спасенія во Христѣ Ісусѣ.

Но она тутъ же обнаружила и большую мудрость любящей Матери, не желающей противоестественными, репрессивными мѣрами вести своихъ дѣтей къ ихъ же счастью. Она желаетъ сохранить ихъ природныя склонности, чтобы не сдѣлать опасной ломки всего права.

Такъ православная Церковь поступила, учреждая Единовѣріе.

И Единовѣріе вполнѣ оправдало ожиданія своей Матери-Церкви: оно росло, крѣпло и умножалось, подѣ сѣнію св. православной истины, въ духовномъ родствѣ съ православной Церковью, служа, въ свою очередь, средствомъ приведенія къ церковному единству и другихъ чадъ, нѣкогда бывшихъ въ единеніи съ Церковью, именуемыхъ старообрядцевъ, врачуя души, ослабляя вражду, уничтожая предубѣжденія.

Въ нынѣшнее же тяжелое время всеобщей вражды и ломки лучшихъ старозавѣтныхъ національныхъ вѣрованій, идеаловъ, обычаевъ, подѣ вліяніемъ чуждой русскому люду иноземщины и модныхъ вѣяній,—Единовѣрію суждено занять не послѣднее мѣсто въ дѣлѣ охраненія исконныхъ началъ русской жизни: набожности, привязанности къ храмамъ Божиимъ, благочестивыхъ навыковъ, религіозныхъ обычаевъ въ домашнемъ, семейномъ быту, что въ Единовѣрії еще и до нынѣ хранится во всей чистотѣ и цѣлости.

Долгое время Единовѣріе было въ загонѣ. Среди обширной и цвѣтущей сѣти православныхъ общинъ и приходовъ, единовѣрческія общины казались жалкими паріями, не заслуживающими большого вниманія. Причины: сравнительно недавнее появленіе на свѣтъ Божій, полное незнакомство съ Единовѣріемъ широкихъ православныхъ массъ и постоянныя нападки и притѣсненія отъ раздорныхъ сосѣдей-старообрядцевъ (большихъ по численности)—видѣвшихъ въ немъ своего опаснаго конкуррента (австрійскій толкъ). Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ оно влачило существованіе, прозябало и, быть можетъ, дѣйствительно, не оправдало всѣхъ надеждъ. Но, къ большей радости единовѣрцевъ, въ послѣдніе два года наблюдается другое отношеніе къ Единовѣрію и православнаго люда, и даже враждебнаго стана—старообрядцевъ.

Первый начинаетъ, мало-по-малу, понимать его духъ и истинную роль въ дѣлѣ обновленія нашей Родины на исконныхъ, національныхъ началахъ, а вторые (старообрядцы), подѣ вліяніемъ вѣроисповѣдной свободы, отвлечены временно въ сторону организаціи собственныхъ разрозненныхъ массъ и приведенія ихъ въ надлежащій видъ.

Ожили, видимо, и сами единовѣрцы.—Мы видимъ, что и у нихъ возникаетъ небывалый религіозный подъемъ, появляются идейные защитники и руководители движенія; просыпается старое стремленіе отстоять лучшія стороны своего быта и развить свое миссіонерское вліяніе возможно дальше, имѣя въ виду не однихъ лишь сосѣдей-

старообрядцевъ, но и всѣхъ, кто желалъ бы стереть съ лица земли лучшія, исторически-сложившіяся, черты русско-славянской самобытности. Стремленія эти вполнѣ естественны и законны. Будучи кореннымъ русскимъ населеніемъ, солю Земли Русской, вѣрными сынами Православія и народа,—въ нихъ не могли не проснуться самосознаніе, солидарность русскихъ душъ, желанье, во что бы ни стало, отстоять свою истинную сущность, индивидуальныя свойства.

И какъ горько ошибаются тѣ, кто склоненъ усматривать въ ихъ попыткѣ къ самоопредѣленію «раскольничье своеволие», либо желанье ускользнуть изъ сферы вліянія господствующей Церкви! Ничего подобнаго, въ дѣйствительности, нѣтъ. Наоборотъ, никто съ такимъ уваженіемъ и любовью не относится къ православнымъ архипастырямъ (да и пастырямъ), какъ единовѣрцы. Примѣровъ ихъ открытаго неповиновенія іерархическимъ установленіямъ почти не наблюдалось. Если и возникали какія недоразумѣнія, конфликты «внутри», то они возникали на почвѣ непониманія ихъ духа, настроенія, нуждъ, мѣстныхъ условій.

На почвѣ пробудившагося самосознанія, въ стремленіи къ самоопредѣленію,—выросла ихъ горячая жажда имѣть своего епископа, который близко стоялъ бы къ ихъ массамъ, вѣдалъ бы ихъ истинныя нужды, учитывая всѣ мѣстныя условія и факты, а не рѣшая ихъ языкомъ оффиціальныхъ бумагъ, органовъ власти усмотрѣній, чуждыхъ ихъ общинному духу и укоренившимся обычаямъ.

Это одна сторона дѣла.

Другимъ важнымъ моментомъ возникновенія Единовѣрія, по моему мнѣнію, является его психологическая необходимость въ жизни русской Церкви.

Для обширныхъ массъ разночиннаго старообрядчества, ищущихъ источника истинной церковно-религіозной правды, нуженъ выходъ, какъ заблудившемуся въ лѣсу путнику нужны вѣхи, знакомыя отмѣтины.

Кто станетъ отрицать склонность старообрядцевъ къ дѣламъ вѣры, чуткость къ религіознымъ вопросамъ, спорамъ, которые говорятъ о глухой неудовлетворенности ихъ своимъ священствомъ, или отсутствіемъ его!

Но старообрядцы въ массѣ срослись, сроднились съ своими вѣрованіями. Теперь допустимъ, что старообрядецъ тяготѣетъ къ источнику истины, находя его въ православной Церкви, но онъ не можетъ съ корнемъ вырвать своей привязанности къ старымъ обычаямъ, какъ нельзя безъ боли и замѣтныхъ поврежденій пересадить старое, окрѣпшее дерево на другую почву.

Нужно ли проявлять неправославную, нерусскую жестокость и принуждать прозелитовъ новой истины отказаться отъ излюбленныхъ ими церковныхъ обычаевъ, порядковъ, напѣвовъ, если послѣдніе не

искажаютъ существа вѣры и не уменьшаютъ суммы ихъ добрыхъ дѣяній?

Автору этихъ строкъ случалось не однажды встрѣчать убѣжденныхъ съединой единовѣрцевъ, бывшихъ старообрядцевъ. Они охотно посѣщаютъ православныя богослуженія. Но, тяготея къ Единовѣрью и во всѣ большіе праздники посѣщали единовѣрческіе храмы: все-таки ихъ больше тянетъ къ своему; въ православныхъ храмахъ они чувствуютъ себя, какъ бы не на своемъ мѣстѣ, чужими, пришедшими лишь «посмотрѣть, да послушать».

Такова сила привычки. А какъ часто въ полемикѣ съ старообрядцами, не враждебными вовсе къ Православію, приходится слышать фразу: «Лучше помереть, чѣмъ креститься щепотью», или: «лучше въ церковь не ходить, чѣмъ слушать «плясовое» пѣніе» и т. п. Очевидно, что «гнусавый напѣвъ» ему ближе и отнюдь не кажется «козлогласованіемъ», ибо и самъ онъ (напѣвъ) продуктъ его психики, условій быта, въ которыхъ складывалась эта своеобразная психика. Можно ли съ чистой душой сказать, что онъ слушаетъ «бездушное козлогласованіе»? что у него нѣтъ молитвы, религіознаго чувства?

Итакъ—и канонически, и нравственно, и, такъ сказать, психологически—можно оправдать существованіе Единовѣрія, не говоря уже о его чисто-миссіонерскомъ значеніи, какъ примирительной базы, имѣющей цѣлью соединить двѣ враждующія половины, единой по духу и вѣрѣ нѣкогда, великой семьи великаго народа. Мы указывали и на новую задачу Единовѣрія, которая ему диктуется современной и грядущей дѣйствительностью: быть на-стражѣ исконныхъ русско-православныхъ началъ и преданій.

И не подавлять, не высмѣивать, а поощрять надо мощные порывы современнаго Единовѣрія къ идейному самоопредѣленію, къ организаци и объединенію разрозненныхъ единовѣрческихъ приходо-въ, общинъ и отдѣльныхъ группъ.

Видѣть въ немъ «конкурента» Православію, по меньшей мѣрѣ, неразумно.

Можно съ увѣренностью сказать, что единовѣрцы будутъ не худшими хранителями православныхъ началъ вѣры и христіанской нравственности, чѣмъ ихъ старшіе единовѣрные братья—чада господствующей православной Церкви.

Мисс. священникъ Іоаннъ Рябухинъ.

Курскъ.

20 Октября 1907 г.

Размышления увѣровавшаго врача *).

Что такое постъ?

Постъ прежде всего есть воздержаніе отъ извѣстной пищи; уже изъ самого опредѣленія этого слѣдуетъ, что онъ связанъ съ извѣстнымъ упражненіемъ воли. Какъ мускуль слабѣетъ отъ недѣятельности, такъ въ большей еще степени слабѣетъ воля, если человѣкъ не упражняетъ ее; жизнь человѣка, живущаго въ довольствѣ, удовлетворяющаго всякое свое плотское желаніе и хотѣніе, обыкновенно приводитъ къ тому, что человѣкъ такой потомъ уже съ трудомъ можетъ устоять отъ различныхъ соблазновъ,—воля его слабѣетъ; и наоборотъ, нужда, постоянное отказываніе себѣ въ своихъ плотскихъ желаніяхъ дѣлаетъ человѣка болѣе сильнымъ, закаляетъ волю. Отказъ отъ извѣстнаго рода пищи—постъ въ узкомъ смыслѣ этого слова—является подобнымъ же стимуломъ. Опасенія, что постная пища можетъ повредить здоровью, не выдерживаютъ научной критики, такъ какъ, принимая даже выработанныя физиологіей нормы питанія, превышающія, какъ показываетъ наблюденіе жизненныхъ фактовъ (питаніе святыхъ), по всей вѣроятности, дѣйствительный *minimum*, является несомнѣннымъ, что при растительной пищѣ мы легко можемъ доставить организму все нужное для поддержанія питанія. Обычное ощущеніе голода при переходѣ на постную пищу у привыкшаго питаться мясомъ человѣка есть не что иное, какъ ощущеніе недостатка привычнаго возбuditеля, подобно тому, какъ это бываетъ у курильщика, отвыкающаго отъ табаку, у алкоголика безъ водки и т. п., и проходитъ обыкновенно спустя нѣкоторое время.

Но если бы только къ этому сводилось значеніе поста, то его легко было бы замѣнить какимъ-нибудь другимъ упражненіемъ въ воздержаніи; но въ томъ-то и дѣло, что средство это въ самомъ существѣ своемъ заключаетъ одну особенность. Укрѣпляя волю путемъ воздержанія, постъ *укрѣпляетъ волю еще инымъ путемъ, путемъ улучшения функций головного мозга вообще*; при этомъ дѣйствуетъ просвѣтляющимъ образомъ на наше разумѣніе и представленіе, а сферу чувствъ дѣлаетъ болѣе воспримчивой ко всему хорошему. Здѣсь мы такимъ образомъ подходимъ къ вопросу о разницѣ въ вліяніи растительной и животной пищи на организмъ человѣка, на функцію его органовъ вообще и въ частности на функцію нервной системы и головного мозга. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, въ медицинской наукѣ, какъ слѣдуетъ, не изучался, и я принужденъ ограничиться приведеніемъ нѣкоторыхъ косвенныхъ доказательствъ, проливающихъ свѣтъ на данный вопросъ. Я

*) Продолженіе. См. «Пр. Пр.» № 42—43-й.

постараюсь доказать, 1) что дѣятельность головного мозга зависит до нѣкоторой степени отъ химическаго состава соковъ, омывающихъ мозговья клѣтки, 2) что разница въ дѣйстви растительной и животной пищи на функцію головного мозга человѣка вполне допустима и 3) что наблюденія жизни, а отчасти и научныя говорятъ въ пользу растительной пищи.

Доказательство перваго положенія мы, кромѣ апріорныхъ соображеній, находимъ въ изученіи явленій хроническаго алкоголизма. Это изученіе показываетъ, что постоянное присутствіе въ сокахъ человѣческаго организма—въ плазмѣ, омывающей клѣтки, частицы алкоголя вызываетъ рѣзкія измѣненія въ духовной сферѣ человѣка въ смыслѣ пониженія нравственнаго чувства, большей склонности ко всему дурному (*inhumanitas ebriosa et ferocitas ebriosa*), ослабленія воли и, наконецъ, познавательныхъ способностей; причемъ всѣ эти измѣненія психической сферы наступаютъ ранѣе, чѣмъ успѣютъ развиваться органическія измѣненія въ органахъ, — сердцѣ, сосудахъ, печени, нервной системѣ, почкахъ и пр. Но скажутъ, откуда вьзаться этой разницѣ въ составѣ соковъ при питаніи растительной и животной пищей, когда химическій составъ той и другой почти одинаковъ: тѣ же бѣлки, жиры, углеводы—только въ другой пропорціи. Къ величайшему прискорбію человѣчества, сходство это только кажущееся. Органическая химія не дала намъ еще формулы строенія бѣлковыхъ тѣлъ; эмпирическая формула ихъ одинакова, но отсюда не слѣдуетъ, что это одинаковыя тѣла съ одинаковымъ фізіологическимъ дѣйствіемъ. Мы знаемъ, что тѣла болѣе простыя, имѣющія одинаковый составъ, но различную формулу строенія, т. е. различное расположеніе атомовъ въ частицѣ (такъ называемыя изомеры), дѣйствуютъ на человѣческой организмъ совершенно различно, а разъ это такъ, то бѣлки растительный и животный, быть можетъ, таже имѣющіе совершенно различную формулу строенія, могутъ имѣть совершенно различное дѣйствіе на организмъ; кромѣ этихъ трехъ основныхъ веществъ (б. угл. и жир.), въ животной пищѣ имѣется еще много такъ называемыхъ экстрактивныхъ веществъ, которыхъ нѣтъ въ растительной пищѣ, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ такомъ количествѣ. Химическая природа ихъ еще менѣе изучена, между тѣмъ какъ дѣйствіе на организмъ ихъ несомнѣнно и значительно. Насколько пока извѣстно, дѣйствіе ихъ на животный организмъ сводится главнымъ образомъ къ дѣйствію на нервную систему и въ общемъ аналогично дѣйствію такъ называемыхъ нервныхъ ядовъ, представителемъ которыхъ является все тотъ же алкоголь. А мы видѣли, какъ присутствіе алкоголя въ крови отражается на духовной жизни человѣка. Кому не извѣстно возбуждающее дѣйствіе мясного бульона, заключающаго въ себѣ очень немного питательныхъ веществъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова? Кому не извѣстно вредное вліяніе этихъ веществъ, анологичное влія-

нію алкоголя на нѣкоторые больные органы, напримѣръ, на почки при ихъ воспаленіи, на мозгъ при эпилепсіи и т. п. Это, такъ сказать, общія разсужденія и повседневныя наблюденія, а вотъ что говорятъ о вліяніи мяса на человѣческой организмъ вѣнскіе фізіологи Лихтенфальсъ и Фрелихъ: «Мясо, особенно же бычачье, производитъ, подобно спиртнымъ напиткамъ, искусственное возбужденіе, въ большей части случаевъ непродолжительное, за которымъ слѣдуетъ пониженіе жизнѣдѣтельности организма и т. д». Вотъ въ этой-то фізіологической разницѣ растительной и животной пищи и надо искать главный смыслъ тѣлеснаго поста; воздержаніе отъ мяса, соединенное съ умѣренностью въ пищѣ, вообще съ малояденіемъ, улучшаетъ всѣ духовныя функціи мозга, просвѣтляетъ нашъ умъ, дѣлаетъ болѣе воспримчивой сферу чувствъ и укрѣпляетъ волю. Это сознавали постоянно великіе люди всѣхъ временъ: во всѣхъ наиболѣе выдающихся религіяхъ, у всѣхъ народовъ есть постъ; великіе люди никогда не пренебрегали этимъ средствомъ, а передъ каждымъ выдающимся духовнымъ подвигомъ налагали на себя постъ, тѣмъ самымъ признавая его значеніе для просвѣтленія духовныхъ силъ.

Опытъ святыхъ говоритъ тоже въ пользу этого. Постоянный постъ не мѣшалъ этимъ людямъ доживать до глубокой старости и сохранять до конца жизни необыкновенную ясность мысли, чистоту души и твердость воли.

Вегетаріанство, которое не признаетъ другой пищи, кромѣ растительной, и которое съ каждымъ годомъ все болѣе расширяетъ кругъ своихъ сторонниковъ, является новымъ обличеніемъ господствующаго у насъ предразсудка о *необходимости* мяса и воочію свидѣтельствуетъ о его несостоятельности. Наконецъ, въ послѣднее время и въ медицинской наукѣ начинаютъ все болѣе и болѣе раздаваться голоса, что обычное питаніе, въ особенности мясное, составляетъ причину многихъ болѣзненныхъ состояній и прежде всего вредно дѣйствуетъ на нервную систему, на функцію головного мозга, потомъ на сердце, сосуды, почки и пр., и въ концѣ концовъ приводитъ къ подагрѣ, тучности и тому подобнымъ состояніямъ, при которыхъ, какъ показываетъ наблюденіе и повседневный опытъ, и душевная сфера рѣдко бываетъ въ равновѣсіи и чистотѣ. Такимъ образомъ, для души постъ является горниломъ, очищающимъ сердце, просвѣтляющимъ умъ и закаляющимъ волю, для тѣла же—предохранительнымъ клапаномъ, предупреждающимъ чрезмѣрное накопленіе въ крови вредно дѣйствующихъ продуктовъ неполнаго сгаранія—окисленія бѣлковыхъ веществъ при обычномъ обильномъ питаніи и черезъ это предотвращающимъ развитіе многихъ болѣзней и преждевременную смерть.

Врачъ С. Апраксинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневника единовѣрческаго священника *).

Настала Св. Четырдесятница Великаго поста. Православные посѣтители нашего — единовѣрческаго храма пожелали, хотя и не всё, а около 100 человекъ поговѣть и приобщиться Св. Таинъ въ нашемъ храмѣ, который они неопустительно посѣщали со дня освященія храма: такъ имъ нравилась единовѣрческая исполнительная «истовая служба»...

Не желая нарушить установленнаго церковнаго порядка, я хотя и съ сожалѣнiемъ, но отклонилъ усердiе ихъ. Правда, я могъ руководствоваться монастырскою практикою исповѣди городскихъ прихожанъ, но, извѣдавъ мытарства людей съ узкорамочнымъ понятiемъ о нашей церкви, не захотѣлъ, какъ говорится, подливать въ огонь масла. И вотъ я объявилъ православнымъ любителямъ Единовѣрiя, что готовъ для нихъ сдѣлать все возможное для меня, но принять на исповѣдь не имѣю права безъ вѣдома духовныхъ отцовъ ихъ. Этимъ заявленiемъ я сильно оскорбилъ духовное ихъ чувство; многiе изъ нихъ заплакали, говоря:—«что у насъ за исповѣдь, когда одинъ священникъ до 800 человекъ пропуститъ въ 2—3 часа». Послѣ такого заявленiя мнѣ до глубины души было жаль этихъ дѣйствительно заботящихся о своихъ душахъ людей. Я сказалъ имъ:

— «Идите, дорогiе братiе и сестры, скажите своимъ духовнымъ отцамъ о своемъ желанiи и намѣренiи и попросите отъ нихъ на это благословенiя, а мнѣ принесите отъ нихъ записочку, что на это они изъявили свое согласiе и отпустили васъ».

Они такъ и поступили, отправились къ священникамъ и объявили о своемъ желанiи исповѣдаться въ единовѣрческой церкви.

Священники, услышавъ отъ своихъ прихожанъ такую просьбу и взвѣсивъ, должно быть, свое невыгодное положенiе, страшно возмутились, съ озлобленiемъ прогнали ихъ отъ себя безъ всякаго нравоученiя, строго запретивъ имъ поступать такъ, какъ было имъ желательно, т. е. приобщаться Святыхъ Таинъ въ единовѣрческой церкви. Въ виду такого чиновничьяго поступка священниковъ съ своими пасомыми и презрительнаго отношенiя къ таинствамъ единовѣрной церкви пастырей, я не рѣшился однако принять на исповѣдь пришедшихъ ко мнѣ любителей «истовой службы», и хотя со скорбью въ душѣ и со слезами на глазахъ, но отказалъ имъ.

Но, несмотря на это, непогода со стороны священниковъ стала давать знать себя, негодование iереевъ великорусской церкви значительно возрастало. Вѣтеръ подулъ; при томъ бурю ускорили, не намѣренно конечно, а отъ любви ко мнѣ и вообще къ Единовѣрiю, огорченные чиновничьимъ поступкомъ духовныхъ отцовъ дѣти ихъ. Они, въ числѣ 100 человекъ, совсѣмъ оставили своихъ «священниковъ-чиновниковъ» и рѣшили никуда нейти на исповѣдь, при томъ открыто говорили:

— «Имъ (попамъ) не мы (т. е. не души наши) нужны, а деньги». Въ храмъ же нашъ они не опустительно ходили и доселѣ ходятъ, несмотря на чиновничье запрещенiе своихъ священниковъ.

Окончательно бурю усилило слѣдующее обстоятельство.

Въ нашей мѣстности населенiя православныхъ около 12.000, а священниковъ только 3. За множествомъ побочныхъ дѣлъ они равнодушно относились къ умирающимъ, много дѣлали опущенiй въ самыхъ непремѣнныхъ обязанностяхъ; многiе во время эпидемiи, пронесшейся надъ мѣстностью въ 1892 году, умирали безъ напутствiя. Мнѣ ужасно стало жаль умирающихъ безъ при-

*) Продолженiе. См. «Пр. Пр.» № 42—43-й.

общенія Святыхъ Таинъ: при этомъ стали и просители являться ко мнѣ, и я рѣшился безъ дозволенія священниковъ напутствовать умирающихъ православныхъ. Да и могъ ли я думать о какомъ-либо дозволеніи, когда дѣло касалось рѣшенія послѣдней участи многихъ христіанскихъ душъ, о ихъ послѣднемъ священномъ правѣ на наслѣдіе жизни вѣчной. Вѣдь ихъ отходило въ вѣчность по 100 душъ въ день. Уже ли такая численность, изъ-за небрежущихъ священниковъ, должна была лишиться того, что заповѣдано со священной клятвой Іисусомъ Христомъ! Если такъ дорога душа христіанина, что за каждую въ частности душу Христосъ пролилъ кровь Свою, то не безбожно ли было дожидаться дозволенія эгоистическаго властолюбія, не брегущихъ о спасеніи душъ, самолюбивыхъ пастырей, во имя несвоевременныхъ правилъ о разграниченіи приходоу? Я такъ и поступилъ, какъ поступилъ бы и всякій христіанинъ, а не только священникъ;—я поставилъ повелѣніе Христово выше человѣческихъ доходостатейныхъ параграфовъ, и сталъ напутствовать умирающихъ. Но на мой поступокъ взглянули иначе.

Скоро наступила страшная засуха. Открыто было общее народное моленье по полямъ. Я съ своими единовѣрцами ходилъ отдѣльно отъ православныхъ священниковъ, съ ихъ стороны однако масса участвовала въ нашемъ крестномъ ходу, вмѣстѣ — единѣми усты возносили моленье къ Творцу объ отвращеніи небеснаго гнѣва, движимаго на насъ. Но это моленье поставили мнѣ тоже въ вину, назвавъ ее агитаціей среди чужихъ прихожанъ въ открытомъ сборищѣ. Благочинный постарался обо всемъ «сообщить владыкѣ» въ превратномъ и искаженномъ видѣ. Вотъ тутъ-то и закипѣла въ морѣ пѣна.

Владыка разразился надо мной своимъ епископскимъ гнѣвомъ; вызвавъ меня къ себѣ, неистово кричалъ:

— «Ты соблазнь чинишь! Чужихъ прихожанъ привлекаешь изъ-за корыстной цѣли! Тебѣ нужно поставить около дверей единовѣрческаго храма человѣка, который не допускалъ бы православныхъ въ этотъ храмъ. Храмъ этотъ предназначенъ для раскольниковъ и вотъ старайся привлечь ихъ, а не православныхъ, которые нужды не имѣютъ въ немъ».

Я старался выяснитъ суть дѣла, но владыка закричалъ:

— «Замолчи! Я тебѣ укажу мѣсто!»

При такомъ ужасномъ положеніи я рѣшился удалиться отъ огорченнаго навѣтомъ неразборчиваго владыки.

Собравъ своихъ юныхъ чадъ единовѣрцевъ, я повѣдалъ имъ о такомъ глубокопечальномъ отношеніи владыки ко мнѣ и вообще къ Единовѣрцію.

Мы не знали что дѣлать и какъ поступитъ съ этимъ новымъ для насъ дѣломъ, истекавшимъ отъ правителей православной церкви. Идти ко владыкѣ для объясненія прихожане не рѣшались, ибо, вышедши недавно изъ раскола, они не освоились еще съ подобными порядками въ православной церкви, не соответствующими духу христіанства; они по неопытности своей боялись даже и священника. Потужили, поскорбѣли, а нѣкоторые и поплакали, да и «возложили печаль свою на Господа». Съ тѣмъ и разошлись по домамъ.

Миновала ночь. Утромъ слышу, въ православныхъ церквахъ праздничный звонъ. Я конечно ничего не знаю. Прибѣгаетъ вѣстникъ отъ благочиннаго и говорить:

— «Владыка съ крестнымъ ходомъ идетъ къ вашей церкви». Квартира моя отъ храма была не далеко; я поспѣшилъ въ храмъ, чтобы встрѣтить святителя съ крестомъ. Псаломщикъ и прихожане, узнавъ, прибѣжали къ храму чрезъ 5 минутъ. Владыка съ православнымъ духовенствомъ прибылъ къ храму. Я встрѣчаю его съ крестомъ. Онъ сурово взглянулъ на меня, отстранлъ крестъ, закричалъ: «Крестъ не такой!» Я, не зная, въ чемъ дѣло, побѣжалъ въ храмъ за другимъ крестомъ. Выхожу... Слышу отъ владыки то же:

— «Не такіе кресты у тебя!»

Крестъ конечно осмиконечный, и Спаситель написанъ не по-польски, а какъ у единовѣрцевъ, по старинному «священнолѣпно», по преданію святыихъ отцовъ восточной церкви. Епископъ не взялъ креста.

Пока я ходилъ за крестами, какъ ужъ понадобилось Евангеліе, молебень Божіей Матери совершался православнымъ клиромъ обычнымъ порядкомъ—обрывками.

— «Евангеліе!»—закричалъ епископъ.

Я съ отринутымъ отъ епископа крестомъ побѣжалъ обратно въ храмъ за Евангеліемъ. Выношу.

— «Не то Евангеліе!»—опять кричитъ епископъ. Евангеліе было обыкновенное, единовѣрческой печати. Я сказалъ епископу: «Другаго Евангелія у меня нѣтъ въ храмѣ».

Такимъ образомъ и продолжалось молебствіе.

Единовѣрцы не молились, а съ ужасомъ смотрѣли на епископа и отошли подалеже отъ храма или вѣрнѣе отъ архіерейскаго молебна.

Отслуживъ около храма, святитель, на этотъ разъ не пошелъ въ храмъ.

На другой день, безъ предупрежденія и безъ всякаго желанія единовѣрцевъ, святитель назначилъ въ единовѣрческомъ храмѣ служеніе всеобщей.

Прибывъ со свитой въ храмъ, святитель во все время Богослуженія искалъ причинъ для изліянія на меня своего архинастырскаго гнѣва, но не находилъ, и это еще хуже раздражало его. Онъ расточалъ мнѣ свои угрозы во св. алтарѣ, старался навести на меня какую-то панику.

Сколько мнѣ пришлось пережить въ эти ужасныя для меня минуты! Я видѣлъ въ поступкахъ святителя одно лишь мщеніе.

Иерофеевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Извѣстія и замѣтки.

Кое-что по поводу присоединенія арх. Михаила къ старообрядчеству. Въ № 520 газеты «Колоколь» нѣкто Е. К., негодуя по поводу перехода бывшаго архимандрита Михаила въ старообрядчество, пишетъ слѣдующее:

«Архимандритъ Михаилъ не профанъ въ старообрядчествѣ. Ему извѣстны причины его отдѣленія отъ церкви. Извѣстно, что великія «благословныя» вины православной церкви, вызвавшія отдѣленіе отъ нея старообрядчества, есть начертаніе имени «Иисусъ» вмѣсто «Исусъ», хожденіе протовъ солнца вмѣсто «посолонь», сложеніе трехъ перстовъ вмѣсто двухъ, произнесеніе «Аллилуія» три раза вмѣсто двухъ и другія, столь же великія, ереси. Богословъ 17-го вѣка протопопъ Аввакумъ съ товарищи могъ искренно думать, что «трегубящіе» Аллилуія «распинаютъ св. Троицу», что имя «Иисусъ» означаетъ иного Бога, антихриста, а не «Господа Иисуса». Но современный ученый богословъ этого думать ужъ никакъ не можетъ, и потому этотъ переходъ доказываетъ, что бывший архимандритъ крайне безнравственный человѣкъ, не имѣющій рѣшительно никакой вѣры и совѣсти».

Интересно сравнить эти слова съ тѣмъ, что печаталось на страницахъ того-же «Колокола» 1¹/₂ года тому назадъ, когда затрагивался вопросъ о присоединеніи старообрядцевъ къ господствующей церкви и когда съ старообряд-

цами «заигрывали». Вот что мы читаемъ тамъ о причинахъ отдѣленія старообрядцевъ отъ господствующей церкви:

«Старообрядцы боролись изъ-за мелочей; изъ-за двуперстія шли на мученичество. Развѣ въ пальцахъ Богъ?! такъ разсуждали и вопрошали гордые своимъ знаніемъ интеллигенты и чванящіеся своимъ философскимъ мышленіемъ специалисты богословы, черпающіе изъ книжекъ всю премудрость. Но гордые своимъ знаніемъ интеллигенты и чванящіеся своимъ философскимъ мышленіемъ специалисты богословы, такъ высокомерно и пренебрежительно относившіеся къ этимъ сѣрымъ и «невѣжественнымъ» старообрядцамъ, просмотрѣли главную суть спора и не поняли,—да и понять не могли,—сущности борьбы, въ которой старообрядцы, не жалѣя живота своего, отстаивали русскую самобытную культуру. Старообрядцы не сѣры и не невѣжественны. Они, какъ и мы, знаютъ что «не въ пальцахъ Богъ»; но, зная и понимая это, они въ то же время знаютъ и понимаютъ, что въ тотъ моментъ, когда они откажутся отъ двуперстія и другихъ обрядовъ, которые намъ кажутся ничтожными,—они перестанутъ быть тѣмъ, чѣмъ они есть, перестанутъ быть носителями культурно-русского, самобытно-національнаго знамени, которое они получили отъ предковъ, и выпускать изъ рукъ которое равносильно самоумерщвлению, равносильно гибели русской народности, русской самобытной государственности. Православіе для Россіи—это не вѣра только въ общепринятомъ на Западѣ смыслѣ,—это быть, это сама жизнь; вся психологія творчества русскаго народа сосредоточена въ русскомъ православіи. Это центръ бытія самой Россіи, безъ русскаго православія не мыслима и сама наша великая Родина. Вотъ это-то пониманіе сущности русскаго православія и заставило нашихъ старообрядцевъ такъ самоотверженно стойко отстаивать ничтожные на нашъ взглядъ старинные обряды.

«Московскіе славянофилы такъ именно поняли нашъ расколъ; отсюда и то сочувствіе, которымъ пользовались старообрядцы отъ великихъ представителей славянофильства: Хомякова, Данилевскаго, Аксаковыхъ. Гилярова-Платонова и др.

«Мужи разума и знанія, славянофилы—не смотрѣли на старообрядцевъ, какъ на сѣрыхъ, невѣжественныхъ и злыхъ фанатиковъ—протестантовъ; они видѣли въ нихъ своихъ союзниковъ: носителей русскихъ идеаловъ, борцовъ за русскую самобытность, отстаивателей народной культуры и русскаго народнаго православія. Да и весь русскій православный народъ никогда не смотрѣлъ на старообрядцевъ, какъ на враговъ, и не только не преслѣдовалъ ихъ, но и не сторонился отъ нихъ. Многіе изъ высшихъ іерарховъ всероссійской церкви тоже сочувственно и отечески относились къ старообрядцамъ. Гоненія же и преслѣдованія старообрядцевъ вытекали изъ того же не русскаго бюрократическаго режима петербургскаго періода русской исторіи, который, словно злой смерчъ, налетѣлъ на русскую землю и въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій носился по ней въ бѣшеномъ вихрѣ и разрушалъ и истреблялъ все русское, что встрѣчалъ на пути своемъ. Этотъ чужой и чуждый намъ бюрократизмъ наложилъ свою тяжелую руку на все наше завѣтное. Онъ не щадилъ ни нашъ бытъ, ни наши вѣрованія, ни наше достояніе. Онъ грабилъ насъ матеріально и осудилъ насъ духовно.

«Мы всегда чувствовали, но нѣсколько смутно, что сущность русскаго православія одна и та-же и у старообрядцевъ и у новообрядцевъ и что весь, длившійся столѣтіями, между родными братьями споръ, породившій столь печальныя недоразумѣнія,—не есть споръ изъ-за сущности, которой остался вѣренъ весь русскій народъ, во всей своей совокупности. Споръ этотъ, повторяемъ, былъ не изъ-за сущности православія, одинаково чтимой всеми русскими людьми дорожившими величайшимъ сокровищемъ, доставшимся имъ отъ предковъ, а возникъ этотъ споръ и разрослся въ великій расколъ, благодаря лишь виѣш-

нимъ наслоеніямъ, деспотически и насильно насажденнымъ на Руси бюрократическимъ режимомъ, стремившимся во что бы то ни стало обезличить, сводить на нѣтъ тѣ народно-культурныя начала, которыя были выработаны русскимъ народомъ на почвѣ православія и въ то же время сообщавшей русскому православію народный характеръ. Вотъ на этой то почвѣ, т. е., на почвѣ культурно-народной и возникъ споръ, который продолжается и понынѣ: старообрядцы, для которыхъ религія и бытъ представляютъ собою одно цѣлое и недѣлимое,—какъ главная и единственная основа русской культуры,—не могли идти ни на какія уступки. Имъ казалось, они были увѣрены въ томъ, что стоитъ только пойти по скользкому пути уступокъ, хотя бы и самыхъ ничтожныхъ, то это пошатнетъ все зданіе. Въ своемъ древне-русскомъ бытѣ, въ своей, основанной на русскомъ православіи, культурѣ они видѣли единственный залогъ величія родины, самобытно выступавшей на аренѣ исторіи человѣчества. Они вѣрили и не перестали по сіе время вѣрить, что русскому народу суждено сказать новое слово человѣчеству и являть собою примѣръ единственныхъ держателей правды Божіей, скромно и со смиреніемъ подчиняясь Его волѣ и на Него возлагая всѣ свои упованія. А потому: все, что получили они въ наслѣдіе отъ предковъ,—они считали неприкосновеннымъ; благоговѣли предъ этимъ наслѣдіемъ во всей его совокупности и охраняли его, во всей полнотѣ, не дѣлая различія между главнымъ и второстепеннымъ, между важнымъ и ничтожнымъ. Для благополучнаго роста и пышнаго расцвѣта всякаго организма требуется, чтобы всѣ атомы, входящіе въ составъ его, были налицо. Удалите одного изъ нихъ, и организмъ остановится въ своемъ благополучномъ развитіи; выньте ничтожный винтикъ изъ сложной машины, она или совсѣмъ остановится или, въ лучшемъ случаѣ, если она будетъ продолжать функционировать, то результаты отъ ея работы будутъ не вполне удовлетворительны. Отбавьте мелочи въ какомъ угодно культѣ,—пройдетъ немного времени и отъ самаго культа ничего не останется». («Колоколь» № 95).

Годомъ раньше писалъ по этому поводу въ «Старообрядцѣ» одинъ православный—слѣдующее:

«Мнѣ кажется, что троеперстіе и число поклоновъ за молитвой Ефрема Сирина есть только поводъ къ отдѣленію отъ церкви известной части русскаго общества, причина же лежитъ глубже и состоитъ въ томъ, что народъ предузрѣлъ въ этихъ фактахъ начало того направленія, конецъ котораго (плоды) суждено видѣть намъ; нужно помнить, что за каждымъ внѣшнимъ обрядомъ сокрыто нѣчто «внутреннее», очень важное; икононская ломка касалась «внѣшняго» но за этимъ «внѣшнимъ» стояло внутреннее: страстность и гордость самого Никона, соединенная съ нехристіанскимъ жестокосердіемъ и суетно своевольное отношеніе къ преданію, коимъ жила Русская церковь 600 лѣтъ. Народъ понималъ, что изъ такого источника можетъ простекать только «сланая» вода, пророчески предузрѣлъ, что, начавшись съ малаго, это приведетъ къ легкомысленному отношенію къ преданію вообще, что теперь мы и видимъ въ нашемъ священствѣ и обществѣ. Предувидѣлъ это, конечно, не одинъ протопопъ Аввакумъ, а народъ; иначе бы онъ и не пошелъ за лично оскорбленнымъ, яко бы, протопопомъ Аввакумомъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не обратить вниманіе наше, что церковь старообрядческая въ своемъ «безуміи» сохранила до сихъ поръ древне-православныя порядки и благочиніе церковное, духъ вѣры и благочестія, а мы отъ своего «большаго разума» все это попрали, исказили и исковеркали и теперь въ лицѣ лучшихъ представителей нашей церкви съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждемъ преобразованія нашей церкви. Дай Богъ, чтобы преобразователи на сей разъ руководствовались не своимъ «большимъ разумомъ», но примѣромъ древнихъ.

С. Апраксинъ.

О. Протоіерей Н. А. Касторскій.

11 сего ноября въ 6 час. утра внезапно скончался настоятель единовѣрческой церкви, что на Николаевской ул., г. Спб., о. протоіерей Н. А. Касторскій. Покойный началъ воскресную утреню, но во время 1-й каеизмы почувствовалъ себя плохо, былъ уведень домой, гдѣ, не приходя въ сознание, чрезъ 2—3 минуты скончался. Усопшій, сынъ священника Костромской губерніи, кандидатъ Богословія С.-Петербургской Духовной Академіи. 20 декабря 1882 года резолюціей митрополита Исидора опредѣленъ священникомъ въ Никольской церкви, съ 3 сентября 1883 года по 1 сентября 1907 года состоялъ законоучителемъ въ приходскомъ училищѣ, преподавалъ Законъ Божій съ 1892 по 1903 г въ Александрo-Невскомъ дѣтскомъ пріютѣ, былъ законоучителемъ съ 1894 по 1898 въ женскомъ французскомъ пансіонѣ г-жи Бувье. Въ продолженіи десяти лѣтъ съ 1885 по 1895 преподавалъ Законъ Божій въ женскомъ 5 классномъ профессиональномъ учебномъ заведеніи г-жи Поспѣловой, состоялъ съ 1 сентября 1898 г. законоучителемъ въ Вознесенскомъ 4-хъ классномъ городскомъ училищѣ Министерства Народ. Просв. Кроме того съ сентября 1901 г. былъ законоучителемъ въ женской гимназіи г. Никифоровой. Съ 22 октября 1906 г. еще состоялъ законоучителемъ въ желѣзно-дорожномъ училищѣ Николаевской ж. д.; съ 1900 по 1902 исполнялъ должность духовнаго слѣдователя. Съ 1902 года былъ слѣдователемъ по столичному единовѣрческому благочинническому округу. Отъ 18-го января 1906 г. былъ утвержденъ въ должности Благочиннаго, въ каковой состоялъ до 30 іюля 1907 года. За свои труды по учебнымъ заведеніямъ былъ награжденъ орденомъ Анны 3-й степени.

О. Николай не долго прожилъ послѣ смерти своихъ сослуживцевъ. Всѣ четыре священники: о. Никольскій, о. Соловьевъ, о. Верховскій, о. Касторскій умерли на трехъ послѣднихъ годахъ, недалеко одинъ отъ другого. За послѣднее время покойный не мало перенесъ волненій. Не сочувствуя Единовѣрью, онъ не желалъ улучшенія условій существованія православнаго старообрядчества. Усопшій шелъ противъ начавшагося идейнаго движенія въ Единовѣрїи. Введенный въ заблужденіе, онъ считалъ наличное положеніе Единовѣрїи вполне достаточнымъ. Всякія попытки къ обновленію и улучшенію Единовѣрїи считалъ за личныя оскорбленія. Окружавшіе совѣтники въ добавленіе всячески вооружали покойнаго противъ сослуживцевъ, прихожанъ, чѣмъ въ концѣ концовъ отняли у него покой, миръ и самое здоровье. Богъ взялъ его отъ насъ неожиданно, да успокоить Онъ душу усопшаго въ мѣстѣ злчнѣ, въ мѣстѣ свѣтлѣ, откуда отошла всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе!

Отвѣтъ на грязныя вылазки нѣкоторыхъ газетъ.

Газеты рады каждому скандальному случаю. Не отдавая себѣ отчета, нисколько не проверяя своихъ репортеровъ, онѣ часто печатаютъ то, въ чемъ впоследствии сами должны бывать раскаяваться. Нѣкоторыя изъ нихъ: «Петербургская Газета», «Петербургскій Листокъ», «Виржевыя Вѣдомости», «Колоколъ» и другія 13 сего ноября помѣстили: «Скандалъ на панихидѣ у гроба отца настоятеля», гдѣ до невозможности черными красками изобразили жизнь столичнаго Единовѣрїя, отношенія пастырей между собой.

Здѣсь рассказывалось, какъ отецъ С. Шлеевъ былъ изгнанъ прихожанами съ панихиды по почившемъ отцѣ протоіерей Н. А. Касторскомъ и какъ отецъ С. Шлеевъ, выхода, неодобрительно, весьма худо отозвался о покойномъ сослуживцѣ. О. Симеонъ не отвѣчалъ газетамъ на ихъ грязныя выходки, перенесъ на себѣ напраслину, счелъ неудобнымъ тревожить тѣнь умершаго. Воздержался отъ отвѣтовъ, боясь новаго словоизверженія. Газеты и безъ того за послѣдніе два года раздули непорядки въ Никольской единовѣрческой церкви до неприличія. Ссоръ въ другихъ причтахъ не меньше, но тамъ не выносили сора изъ избы.

Здѣсь же была особая цѣль очернить до невозможности дѣятелей Единовѣрїи, уронить въ глазахъ народа о. Симеона Шлеева, лишить его всякаго довѣрїя у единовѣрцевъ. Отсюда, постоянная травля въ газетахъ, за которую хорошо платили. Не оставили этого худого приѣма и во время похоронъ о. протоіерей. Чего-чего не говорили про о. Симеона.

Богъ судья всѣмъ клеветникамъ! О. Симеонъ не желаетъ отвѣчать самъ и въ своемъ журналѣ. Слишкомъ уже тяжело копаться въ той грязи, какую развели около гроба разныя Верещагины и компанія. Приводимъ то, что помѣстилъ 16-го ноября «Петербургскій Листокъ», до сихъ поръ не понимающій, почему прихожане желали слѣдять о. Симеона настоятелемъ. Вотъ что онъ пишетъ:

«Въ № 312 «Петербургскаго Листка», а вслѣдъ за нимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ, было сообщено о скандалѣ, происшедшемъ у гроба усопшаго настоятеля Никольской единовѣрческой церкви, что на Николаевской улицѣ, протоіерея Н. А. Касторскаго.

По сообщенію корреспондента, суть этого печальнаго инцидента состояла въ томъ, что часть прихожанъ, недоброжелательно настроенная по отношенію ко второму мѣстному священнику от. Симеону Шлееву, попросила послѣдняго удалиться изъ квартиры почившаго протоіерея и не дала ему совершить панихиду по сослуживцѣ.

Изгоняемый пастырь будто бы не воздержался и сказалъ нѣсколько рѣзкихъ словъ по адресу почившаго.

Это вызвало взрывъ негодованія присутствовавшихъ, и на отца Шлеева была отправлена жалоба митрополиту Антонію, покрытая множествомъ подписей.

Столь небывалый случай въ пастырской практикѣ столичнаго духовенства побудилъ насъ разслѣдовать точнѣе вышеизложенный прискорбный фактъ, и истинная подкладка его представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ теченіе послѣдняго года среди прихожанъ Никольскаго единовѣрческаго храма идетъ распря изъ-за мѣстнаго настоятеля.

Дѣло въ томъ, что единовѣрцы по закону пользуются правомъ избирать себѣ священнослужителей.

Когда, годъ тому назадъ, при Никольской церкви освободилось мѣсто настоятеля, прихожане подавляющимъ большинствомъ голосовъ избрали на эту должность священника С. Шлеева.

Епархіальное начальство, по какимъ-то постороннимъ соображеніямъ, рѣшилось игнорировать право единовѣрцевъ и собственной властью назначило настоятелемъ нынѣ умершаго протоіерея Касторскаго.

Это естественно вызвало раздраженіе въ прихожанахъ, и среди нихъ началось броженіе.

Оскорбленные единовѣрцы рѣшились всѣми способами бороться за свои права и добиваться утвержденія от. Шлеева въ званіи настоятеля храма.

Начались споры и пререканія, доходившіе до консисторіи и епархіальнаго начальства.

Въ эту борьбу прихожанъ силою вещей вовлечены были и виновники ея—отцы Касторскій и Шлеевъ.

Къ сожалѣнію, поддерживая свои партіи, они не сумѣли отдѣлать дѣлъ приходскихъ отъ своихъ собственныхъ, и личныя отношенія между ними вскорѣ стали натянутыми.

На почвѣ этой-то натянутости и произошелъ уже извѣстный инцидентъ у гроба усопшаго протоіерея Касторскаго, въ печати, правда, сильно преувеличенный.

Въ дѣйствительности, весь «скандалъ» состоялъ въ томъ, что бывший сторонникъ «консисторской партіи» С. А. Верещагинъ (нынѣ даже не состоящій прихожаниномъ Никольской церкви) потребовалъ удаленія от. Шлеева, когда послѣдній явился совершить панихиду на квартиру усопшаго протоіерея Касторскаго.

Хотя этого требованія никто изъ присутствовавшихъ (за исключеніемъ сына послѣдняго) не поддержалъ, однако от. Шлеевъ не нашелъ удобнымъ совершать богослуженіе при такихъ обстоятельствахъ и, молча помолвившись у гроба почившаго, удалился.

Ни въ прихожей, ни на лѣстницѣ от. Шлеевъ точно также никакихъ пререканій ни съ кѣмъ не имѣлъ.

Что же касается «рѣзкихъ словъ», произнесенныхъ будто-бы имъ по адресу скончавшагося собрата, то всѣ эти слова заключались въ одной фразѣ:

— Господи, Боже мой! Можно ли имѣть на сердцѣ такое зло!

Причемъ, по объясненію самого от. Шлеева, эта фраза относилась не къ усопшему протоіерею, а къ его сыну и С. А. Верещагину, отогнавшимъ названнаго пастыря отъ гроба собрата.

Будучи всегда сторонниками правды, съ удовольствіемъ спѣшимъ исправить неточности, вкравшіяся въ сообщеніе нашего корреспондента и набрасывавшія нѣкоторую тѣнь на почтеннаго от. Шлеева».

Живые друзья покойнаго о. протоіерея не пощадили его и во гробѣ, сдѣлали изъ его похоронъ какую-то демонстрацію. Какая злоба, какая ненависть! До чего въ самомъ дѣлѣ можетъ довести людей, совершенно ей отдавшихся! Знаменателенъ также и тотъ союзъ, какой образовали друзья почившаго съ студентами—евреями, поклявшимися умертвить о. Симеона, человѣка съ открытымъ лицомъ борющагося за идею возрожденія Единовѣрія.